

Луи и Клер, издалека

MINDS MAKE SOCIETIES

HOW COGNITION EXPLAINS THE WORLD HUMANS CREATE

Pascal Boyer

Yale

UNIVERSITY PRESS

New Haven and London

ПАСКАЛЬ БУАЙЕ

АНАТОМИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВ

*Как сознание определяет
наше бытие*

Перевод с английского

Москва
2019

УДК 159.922

ББК 88.52

Б90

Переводчик Петр Дейниченко
Научный редактор Яна Шурупова
Редактор Владимир Потапов

Буайе П.

Б90

Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие / Паскаль Буайе ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 436 с.

ISBN 978-5-00139-189-0

Ничто не мешает нам описывать и объяснять человеческие сообщества так же точно и столь же успешно, как и все прочее в мире, используя научный инструментарий. Так рассуждает эволюционный психолог Паскаль Буайе в этой новаторской книге.

Сопоставляя последние достижения эволюционной биологии, психологии, генетики, экономики и других научных дисциплин, автор представляет новый взгляд на устройство человеческих обществ. Буайе убедительно доказывает, насколько значимую роль когнитивные процессы играют в том, как люди выстраивают иерархии, семейные и гендерные нормы, как возникают межгрупповые конфликты и этнические стереотипы.

В фокусе его внимания находится принципиальный вопрос: как выработанные в ходе эволюции способности и предрасположенности человека объясняют то, как мы живем в обществе? И почему данные естественных наук критически важны для понимания исторических событий и социальных процессов?

УДК 159.922

ББК 88.52

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alпина.ru.

ISBN 978-5-00139-189-0 (рус.)

ISBN 978-0-300-22345-3 (англ.)

© 2018 by Pascal Boyer

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Просветительский фонд «Эволюция»

основан в 2015 году сообществом
российских просветителей.

Цель фонда — популяризация научного
мировоззрения, продвижение здравого смысла
и гуманистических ценностей,
развитие науки и образования.

Одно из направлений работы фонда —
поддержка издания научно-популярных книг.
Каждая книга, выпущенная при содействии
фонда «Эволюция», тщательно
отбирается серьезными учеными.

Критерии отбора — научность содержания,
увлекательность формы
и значимость для общества.

Фонд сопровождает весь процесс создания
книги — от выбора до выхода из печати.
Поэтому каждое издание библиотеки фонда —
праздник для любителей
научно-популярной литературы.

Больше о работе просветительского
фонда «Эволюция»
можно узнать по адресу
www.evolutionfund.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое общество в зеркале естественных наук 9

ШЕСТЬ ПРОБЛЕМ НОВОЙ НАУКИ 45

1

Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?
Почему приверженность «своим» — не инстинкт, а расчет 47

2

Зачем нужна информация?
Здравый ум, странные поверья и безумие толп 87

3

Почему существуют религии?
...и почему они возникли не так уж давно? 121

4

Что такое естественная семья?
От секса к родству и доминированию 159

5

Как может общество быть справедливым?
*Как взаимодействие умов создало честность, торговлю
и явный конфликт между ними* 205

6

Может ли наш разум постичь общество?
Координация, фолк-социология и естественная политика 255

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Познание и коммуникация создают традиции 305

Примечания 345

Библиография 363

Благодарности 425

Предметно-именной указатель 427

ПРЕДИСЛОВИЕ

Множество неповторимых черт, которые отличают человеческий род, — это результат нашей долгой эволюционной истории. К числу этих уникальных признаков относится способность людей создавать сложные и внешне очень непохожие сообщества. Сегодня ученые, сопоставляя последние достижения различных наук, пытаются объяснить многие особенности этих сообществ, в частности то, как люди создают иерархии, семейные и гендерные нормы, экономические системы, как возникают межгрупповые конфликты, нормы морали и многое другое. О многообещающих первых шагах этого научного движения рассказывается в этой книге.

Новый взгляд на человеческие общества — это не вспышка вдохновения и не принципиально новая теория общества. Наука работает не так. Моя книга, скорее, представляет собой подборку данных из разных областей науки — эволюционной биологии, когнитивной психологии, археологии, антропологии, экономики и многих других. Это не столько общая теория общества, сколько подход, позволяющий получить конкретные ответы на конкретные вопросы. Почему люди хотят, чтобы общество было справедливым? Существует ли естественная форма семьи? Что заставляет мужчин и женщин вести себя по-разному? Почему существуют религии? Почему люди участвуют в межгрупповых конфликтах? И это далеко не все вопросы.

Каждая глава основной части книги посвящена одному из этих фундаментальных вопросов. В каждой главе я объясняю, как новые науки об обществе могут неизвестным прежде и неожиданным

образом рассматривать эти ключевые проблемы, что, конечно же, не означает, что на вопросы, вынесенные в названия глав, я даю окончательные ответы. Вы не найдете здесь и обзора всего, что уже было написано об этих проблемах, — для каждой из них вряд ли хватило бы целой книги.

По большей части упоминаемые здесь открытия и идеи принадлежат другим людям. Я лишь связал воедино элементы нового подхода к человеческим обществам. Многочисленные ссылки призваны не только воздать должное авторам, но и указать любознательному читателю на лучшие новейшие исследования. Примечания в конце книги представляют собой ссылки на эти источники. Чтобы они не отвлекали от сути, в них нет никакого иного материала.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое общество в зеркале естественных наук

ПОЧЕМУ ОБЩЕСТВО ДОЛЖНО ПРЕДСТАВЛЯТЬ СОБОЙ ЗАГАДКУ? Ничто не мешает нам описывать и объяснять человеческие сообщества так же точно и столь же успешно, как и все прочее в мире. И есть все основания надеяться, что мы способны понять происходящие в них процессы, оказывающие огромное влияние на нашу жизнь. А поскольку нет лучшего способа понять мир иначе как с помощью науки, крайне желательно было бы с помощью научного инструментария разобраться, что же происходит в человеческих сообществах.

До недавнего времени эта работа не велась. И не потому, что никто не предпринимал попыток. Исследователи общественной сферы веками собирали и сравнивали сведения о разных группах людей. Сопоставляя события, происходившие в разных местах и в разные эпохи, они пытались извлечь из этих сведений смысл и порой случайно нащупывали общественные и исторические закономерности, ясностью не уступающие законам природы. Во многих случаях — от Ибн Халдуна и Монтескье до Токвиля, Адама Смита, Макса Вебера, а также многих других — эти усилия оказывались интригующими и поучительными. Но говорить о поступательном прогрессе не приходилось.

Однако ситуация меняется в значительной мере из-за того, что на стыке ряда наук, в том числе эволюционной биологии, генетики, психологии и экономики, формируется целостное понимание человеческого поведения. За последние несколько десятилетий представители различных областей науки далеко продвинулись в попытках объяснить некоторые важнейшие особенности, отли-

чающие людей от других видов, в частности то, как люди выстраивают и организуют свои сообщества. Главной причиной этого прогресса стал радикальный отход от традиции. В какой-то момент представители общественных наук совершили роковую ошибку, посчитав, что для их предмета психология и теория эволюции не имеют никакого значения. Считалось, что для понимания истории и общества не обязательно много знать о том, как эволюционировали люди и как функционируют их организмы. Эта точка зрения основывалась на том, что естественные науки могут открыть нам массу интереснейших подробностей о людях, о том, почему у нас есть сердце и легкие, как мы перевариваем пищу и размножаемся, но не в состоянии объяснить, почему люди шли на штурм Зимнего дворца или топили ящики с чаем в Бостонской гавани.

Но это было большим заблуждением. Как оказалось, данные психологии и эволюционной биологии, а также других эмпирических наук критически важны для объяснения подобных событий и общественных процессов в целом. За последние полвека научное изучение человечества значительно продвинулось, накопив рекордное количество знаний о работе человеческого мозга, о том, как формируются живые организмы в ходе эволюции. Кроме того, были построены формальные модели взаимодействий между людьми и установлено, как эти локальные взаимодействия могут возбуждать глобальные процессы.

То, что мы когда-нибудь придем к такому более целостному взгляду на человеческое общество, предсказывали и ранее¹. Но лишь недавно изучение того, как люди формируют группы и управляют ими, обрело черты настоящей науки. И хотя нам еще предстоит найти ответы на множество трудных вопросов и обескураживающих загадок, уже получены и удивительно ясные результаты.

КАКОГО РОДА ВОПРОСАМ МЫ ХОТИМ НАЙТИ ОБЪЯСНЕНИЕ?

Никогда не следует начинать с теории. Вместо изложения базовых принципов и умозаключений позвольте мне предложить вашему

вниманию коллаж, разнородный, фрагментарный и неорганизованный перечень феноменов, объяснение которым мы хотели бы получить от настоящей общественной науки.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ТАК ЧАСТО ВЕРЯТ В ТО,
ЧЕГО НЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Огромное количество людей по всему миру верит в то, что другие считают явным абсурдом. Список того, что в одном месте считают разумным, а в другом — полной чушью, неисчерпаем. Одни опасаются, что чужаки могут похитить их пенис, другие надеются с помощью заклинания навести любовные чары на незнакомца. Люди передают друг другу самые разные слухи и городские легенды. Кто-то убежден, что эпидемию СПИДа вызвали спецслужбы. Другие полагают, что болезни и несчастья насылаются с помощью колдовских заклинаний. Может показаться, что человеческий ум чрезвычайно уязвим перед напором низкокачественной информации и, похоже, прогресс науки и техники мало что изменил в этом отношении.

ПОЧЕМУ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ДОМИНИРОВАНИЕ?

Сказано: человек рождается свободным, но повсеместно он в оковах. Почему люди терпят чье-то господство? Кажется, социологи могли бы попытаться объяснить, каким образом политическое доминирование возникает и продолжает существовать среди людей. Следовало бы объяснить, почему на протяжении почти всей истории Китая народ повиновался императорам, откуда брало начало восторженное восприятие националистической демагогии в Европе XX в., безропотное принятие тоталитарных коммунистических режимов на протяжении семидесяти лет и готовность терпеть диктаторов-клептократов во многих государствах современной Африки. Если верно, что история донныне существующих сообществ — это история власти королей, военных лидеров, элит,

тогда возникает вопрос: что именно делает их господство возможным и устойчивым?

ПОЧЕМУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ТАК ВАЖНА ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?

По всему миру люди причисляют себя к какой-либо группе, об этом свидетельствует вся письменная история человечества. Чаще всего это этнические группы, происхождение которых возводится к общим предкам. Люди с готовностью воспринимают мир как антагонистическую игру между своей и чужими этническими группами. Это служит оправданием любых типов сегрегации и дискриминации и легко приводит к розни и даже войне. Почему люди не в силах противиться подобным идеям и, кажется, готовы заплатить любую цену, чтобы одержать верх в этнической конкуренции?

ЧТО ДЕЛАЕТ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗНЫМИ?

Во всех человеческих сообществах имеются характерные гендерные роли, то есть общие представления о типичном поведении женщин и мужчин. Как возникают эти представления? Как они соотносятся с анатомическими и физиологическими отличиями? И наконец, почему характерные гендерные роли так часто связаны с различиями во власти и влиянии?

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ИНЫЕ МОДЕЛИ СЕМЬИ?

В связи с гендерными ролями в современном обществе ведутся серьезные споры о правильной или нормальной форме семьи. А существует ли она вообще? Детям нужны родители, но сколько, каких, в какой конфигурации? Такие споры часто принимают идеологический оборот, но не апеллируют к научным фактам. Что говорит наука о разнообразии и общих чертах форм семьи? Есть ли основания считать одни из форм наиболее жизнеспособными и какие проблемы с ними связаны?

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ СКЛОННЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ?

Люди тратят массу энергии на конфликты — межличностные и групповые. Их частота и природа, вероятность их перехода в насильственную форму сильно различаются в разных местах планеты. Чем объяснить такие различия? Не являются ли такие конфликты неизбежным следствием человеческой природы? Например, многие привыкли думать, что человеку присущи агрессивные порывы, которые нужно выпускать на свободу, подобно тому как с ростом давления в котле пар вырывается из предохранительного клапана. Верно ли такое объяснение движущих нами мотивов? И если нет, то чем объяснить насилие и агрессию?

ПОЧЕМУ ЛЮДИ СКЛОННЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ?

Противоположная конфликту ситуация — это сотрудничество, которое привлекает меньше внимания. Возможно, причина здесь в том, что сотрудничество встречается сплошь и рядом и потому невидимо. Люди в высшей степени склонны к сотрудничеству. Они постоянно делают что-то вместе и координируют свои усилия, чтобы достичь лучшего результата, чем при действии в одиночку. В небольших сообществах люди вместе охотятся или собирают пищу и часто делятся большей частью добычи. В современных обществах они вступают в союзы или политические партии, чтобы вместе добиваться конкретных результатов. Любой поведенческий акт происходит в контексте взаимодействия с другими существами нашего вида. Однако наблюдается и множество различий в уровнях и содержании сотрудничества. Присущ ли людям инстинкт сотрудничества? Если да, что благоприятствует или мешает его проявлению?

МОЖЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМ?

Большинство человеческих обществ расслаивается на классы и ранги, а трудовая деятельность ведет к неравенству доходов и богатства.

В некоторых случаях расслоение — просто результат политического господства. Военные вожди, аристократы, диктаторы, номенклатура коммунистических режимов просто присваивают лучшие ресурсы. Однако и без такого прямого присвоения в большинстве современных демократических государств экономические процессы ведут к неравенству. Главный вопрос современной политики: можно ли это изменить? Этот вопрос сам по себе порождает множество других, на которые специалисты в области наук об обществе должны быть готовы ответить. Например, что подразумевают люди, заявляя, что хотят жить в справедливо устроенном обществе? Почему эта цель заставляет людей занимать диаметрально противоположные политические позиции? Существует ли общая для всех идея социальной справедливости или она меняется от места к месту? Наконец, способны ли люди действительно понять сложные процессы, приводящие к неравенству и несправедливости в обществе?

ЧЕМ ОБЪЯСНИТЬ ФЕНОМЕН МОРАЛИ?

Почему мы обладаем моральным чувством и резко эмоционально реагируем на нарушение норм морали? Во всем мире люди выносят моральные суждения, следуют им, но всегда ли это происходит на основе одних и тех же ценностей? Каким образом представление о морали проникает в сознание детей? Многие мыслители считали, что человек по своей природе полностью свободен от морали, а этические чувства и мотивации каким-то образом были внедрены в людей «обществом». Но как именно это могло бы произойти?

ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЮТ РЕЛИГИИ?

Во всем мире существуют организованные религии. Даже в малых сообществах, где нет религиозных институций, люди говорят о духах и предках. Похоже, что люди в принципе подвержены подобным идеям. Можно ли говорить о религиозном инстинкте, некой части нашего разума, порождающей представления о сверхъестественных силах и сущностях, богах и духах? И напротив, не говорят ли рели-

гиозные представления о некоем недостатке разума? Во всяком случае, как объяснить, что любая религиозная активность включает коллективные действия? Как объяснить, что людям, судя по всему, нравится такое невероятное разнообразие религиозных представлений?

ПОЧЕМУ ЛЮДИ КОНТРОЛИРУЮТ И СИСТЕМАТИЗИРУЮТ
ПОВЕДЕНИЕ ДРУГИХ?

Похоже, люди повсеместно питают огромный интерес к морализаторству, регулированию и просто наблюдению за поведением других. Конечно, как указывают некоторые антропологи, в первую очередь это касается малых групп, где каждый живет под пристальным оком родственников. Но и в больших современных сообществах мы видим, что людей очень интересует, как ведут себя другие, каковы их сексуальные предпочтения, как они вступают в брак, принимают ли наркотики и т. д. Это, безусловно, выходит далеко за пределы чисто эгоистичного интереса и заставляет задаться вопросом: можно ли предположить, что люди по своей природе склонны лезть в чужие дела?

В этом случайном списке нет ни особого порядка, ни последовательности, некоторые вопросы поставлены слишком широко, другие относятся к более специальным областям. Какие-то из этих вопросов философы и писатели задавали на протяжении столетий, а часть их возникает, только если вы представляете себе предысторию современного человечества. В других местах и в другие времена люди задали бы другие вопросы или иначе их сформулировали. Для нас главное — предложить тип вопросов, которые можно было бы задать исследователям жизни общества.

Подобные вопросы оказываются в центре многих дискуссий, ведущихся в современном мире, например о роли этнической идентичности в формировании наций, о влиянии экономических

систем на социальную справедливость, о возможных моделях семьи и гендерных отношений, об опасности религиозного экстремизма или о последствиях того, что называют информационной революцией. Поскольку вопросы эти важные и насущные, возникает огромный спрос на простые всеохватывающие ответы, которые одновременно описывали бы и предписывали, объясняли, как работает общество, и в то же время сообщали нам, как его улучшить. Многие политические идеологии строятся на обещании такого волшебного средства, которое дает ответы на большинство вопросов и служит руководством к действию, на обещании «стройного, правдоподобного и неверного» решения, как метко выразился Генри Луис Менкен.

Но можно поступить лучше. Например, спросить себя: а что мы на деле знаем о склонностях, способностях и предпочтениях людей, которые демонстрируют все эти типы поведения? Удивительно, насколько много уже сейчас известно, например о том, как человеческий разум воспринимает мнения и оценивает их достоверность, как люди становятся приверженными своим группам и как воспринимают чужие группы, какие мотивы стоят за созданием семей и заботой о них, или о процессах, из-за которых мужчины и женщины оказываются такими разными, и т. д.²

ПРАВИЛО I. Видеть странное в привычном

Иногда африканские антилопы спрингбоки, увидев в саванне льва, взлетают в прыжке, словно демонстрируя себя подкрадывающемуся хищнику. На первый взгляд это самоубийственное поведение, ведь оно делает потенциальную жертву более заметной. Так же напоказ выставляют огромный и вроде бы бесполезный шлейф из длинных красивых перьев павлины. Такие особенности внешнего вида и поведения не могут не удивлять. Кажется, антилопам не стоило бы привлекать внимание хищника, а павлины попусту тратят силы, таская тяжелое оперение.

Пришелец-антрополог (а уж социолог и подавно) был бы так же озадачен многими особенностями поведения людей. Почему мы создаем устойчивые группы, конкурирующие, а иногда и конфлик-

тующие с другими группами? Откуда возникает приверженность своей группе, порой за счет личного благополучия? Почему люди придумывают божеств и участвуют в религиозных церемониях? Почему нас так волнуют социальная справедливость и неравенство? И т. д.

Социально-культурные антропологи обычно советуют студентам исследовать нормы и модели поведения народов, обитающих в далеких странах, резонно полагая, что привычность социальных феноменов — одно из серьезных препятствий на пути к их пониманию. Принести в жертву быка, чтобы задобрить невидимых предков, — вполне разумное действие с точки зрения скотоводов Восточной Африки. Многим христианам и мусульманам столь же разумным представляется наличие целой организации с особыми служащими и зданиями, деятельность которой направлена на поддержание связей с невидимыми богами. Искать объяснение нас заставляют только незнакомые обычаи. Лучшее описание начала республиканского строя оставил французский аристократ Алексис де Токвиль. Ему были хорошо известны абсолютистский *Ancient Régime* (старый режим) и революционный террор, именно потому он смог увидеть в американской демократии озадачивающую странность, требующую объяснения.

Чтобы понять наиболее общие для различных культур явления: институт брака, религиозные убеждения или моральные чувства и т. п., — от нас потребуются такая же отстраненность. Но в этом случае нам придется абстрагироваться не от принятых в той или иной культуре норм, а от самого человечества. Как это сделать? Экономист Пол Сибрайт предположил, что мы могли бы взглянуть на поведение людей с точки зрения других животных. Например, если бы карликовые шимпанзе бонобо изучали людей, они бы изучились тому, как много времени и сил мы тратим на мысли о сексе, тоску по нему, мечты о нем, как много его в наших песнях, разговорах и текстах, хотя собственно до секса дело доходит редко — редко по сравнению с бонобо. Гориллы удивились бы, что лидером в группах людей не всегда оказывается самая устрашающая особь, и ломали бы голову над тем, как более слабым удается оказывать

влияние на настоящих громил. Антрополог-шимпанзе задался бы вопросом, как это людям удастся собираться в большие толпы без постоянных драк, почему они часто остаются на протяжении многих лет привязанными к одному и тому же сексуальному партнеру и почему отцы вообще интересуются своими отпрысками³.

К счастью, нам нет нужды становиться на позицию горилл или шимпанзе. Взглянуть на поведение людей со стороны нам позволяет эволюционная биология. Фактически она даже требует от нас поступить таким образом и наряду с другими естественнонаучными дисциплинами предоставляет необходимый для этого инструментарий. Эволюционный подход предполагает, что специфические способности и черты, отличающие нас от других живых организмов, мы унаследовали потому, что эти способности и черты помогали нашим предкам выживать и размножаться. С этой точки зрения любая человеческая культура кажется в высшей степени странной, все обычаи — вопиюще необъяснимыми. Большая часть деятельности людей, то, как они образуют группы, вступают в брак, заботятся о потомстве, представляют себе сверхестественные сущности, выглядит довольно-таки загадочно. Все могло бы происходить иначе, и у большинства животных все и происходит иначе. Как заметил антрополог Роберт Фоули, только эволюция может объяснить наши многочисленные особенности, делающие нас еще одним неповторимым видом⁴.

Взгляд с эволюционной точки зрения позволяет нам отбросить все напрашивающиеся ответы, которые приходят на ум, когда мы поспешно судим о поведении людей. Почему люди хотят секса? Потому что это доставляет удовольствие. Почему людям так хочется сладкого и жирного? Потому что это вкусно. Почему отвратительна рвота? Потому что она ужасно воняет. Почему большинству людей нравится быть в веселой компании? Потому что смеяться приятно. Почему людям часто свойственна ксенофобия? Потому что они предпочитают чужим нравам и обычаям свои собственные.

С эволюционной точки зрения эти объяснения просто выворачивают все наизнанку. Сахар нам нравится не потому, что он вкусный, а рвота не нравится не потому, что противно пахнет. Одно

кажется нам вкусным, а другое отталкивающим, потому что мы настроены на поиски первого и на избегание второго. Мы формировались в среде, где сладкое встречалось редко (и правильной стратегией было раздобыть его как можно больше), а в рвотных массах полно ядов и патогенов. Особи, у которых были подобные предпочтения, получали из окружающей среды чуть больше калорий и чуть меньше опасных веществ, чем их сородичи. В среднем у них было чуть больше шансов оставить потомство. Если говорить точнее, одни вариации генов наделяли особь не слишком сильным стремлением к спелым фруктам, тогда как другие вызвали острое желание съесть их и испытать от этого удовольствие. Время шло, и именно такие вариации генов стали чаще встречаться в человеческих популяциях. Вот и все, что скрывается за фразой, что избыточное потребление сахара — приобретенное свойство современных людей, и таким же образом объясняется, почему мы избегаем извергнутых организмом остатков пищи. Эта логика эволюции, которую так легко понять и еще легче понять неправильно, — ключ к объяснению поведения людей, в том числе к нашему общественному образу жизни.

Хорошо, скажете вы, допустим, наше формирование в ходе эволюции может объяснить тот факт, что мы живем в разных сообществах, но может ли это объяснить различие принятых в них обычаев и норм? В конце концов, вопросы, которые я перечислил выше, касаются процессов, в разных местах проявляющихся по-разному. Семейные отношения в Исландии, Японии и Конго различаются между собой. Проблемы социальной справедливости по-разному понимаются в современных массовых обществах, аграрных обществах и в небольших группах охотников-собираателей. Религиозные доктрины и вера в магию различаются значительно и повсеместно. Как изучение эволюционной природы человека (предположительно единой) может объяснить столь разные результаты его эволюции?

Ответ на это вопрос занял бы (и занимает) целую книгу, но главное заключается в том, что выработанные в ходе эволюции человека способности и предрасположенности действительно объясняют и то, как мы живем в обществе, и многие важные различия,

связанные с местом и временем. Мы не можем и не должны пытаться представить это в виде теории. Однако мы можем исследовать некоторые важные области нашего бытия, такие как формы семьи и сущность политического доминирования, и посмотреть, становятся ли они понятнее, когда мы узнаём о лежащих в их основе предпосылках.

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Отступим на шаг назад. Чтобы понять логику эволюционных объяснений, в том числе объяснения сложного социального поведения, мы должны понять, каким образом живые организмы получают информацию из окружающей среды. Не будем углубляться в теорию, возможно, продуктивнее начать с примера.

У многих видов птиц размножение привязано к временам года. Весной самцы и самки присматриваются друг к другу, выбирают партнера, строят гнездо, спариваются и в результате оказываются вознаграждены несколькими яйцами, из которых вскоре вылупятся птенцы. Несколько недель родители кормят потомство, а потом семья распадается. Теоретически этот цикл мог бы начинаться заново в начале осени, но, похоже, к этому времени птицы теряют интерес к сексу и родительским обязанностям. В этом есть резон, так как период выкармливания потомства точно совпадает со временем, когда пищи больше всего. Для перелетных птиц конец лета и начало осени — это еще и время, когда нужно менять оперение и наращивать мышечную массу, готовясь к долгим путешествиям. Нужно поддерживать себя в форме, а не таскать червяков голодным птенцам. У многих видов пернатых в этот сезон даже уменьшаются размеры половых органов³.

Этот ежегодно повторяющийся цикл размножения представляет собой адаптацию птиц к условиям средних и высоких широт Евразии и Северной и Южной Америки. Окружающая среда просто не позволяет выкормить больше одного выводка в год; для ухода за самкой, строительства гнезда, спаривания и выкармливания потомства требуется, чтобы цикл начинался ранней вес-

ной. В этих условиях оптимально производить потомство один раз в год. Это сформированное свойство этих живых организмов, то, что можно было бы назвать частью их эволюционного наследия.

Какова здесь роль генов? Насколько известно зоологам, в геноме птиц нет ничего такого, что заставляло бы их размножаться только раз в год. Нет никакого специального механизма, который не позволял бы птицам обзавестись потомством сразу после того, как они успешно вырастили предыдущее. Такой цикл размножения раз в год вызван куда более простой наследственной информацией: она вызывает гормональные сдвиги, способствующие появлению интереса к размножению лишь тогда, когда продолжительность светового дня превышает некую пороговую величину. По мере того как дни весной становятся длиннее, эта система запускает каскад поведенческих реакций, завершающийся размножением.

Таким образом, сформировавшийся в процессе эволюции у птиц признак (размножение в северных широтах один раз в год) зависит от двух разных информационных составляющих. Внутри организма идут генетически регулируемые часы с гормональным спусковым механизмом (и первой единицей информации является то, что световые дни длиннее времени D запускают репродуктивное поведение). Вне организма другой информационной составляющей становится тот факт, что вследствие движения Земли по эллиптической орбите дни продолжительностью D случаются дважды в год. Естественно, эти две единицы информации могут накладываться друг на друга и порождать специфическое поведение, связанное с другими физическими факторами, в частности с тем, что цикл размножения от начала и до конца занимает X недель и этот отрезок дольше промежутка между двумя днями года продолжительностью D . Здесь важно, что для формирования признака или модели поведения живых организмов не требуются гены, определяющие этот признак или поведение. Необходимая дополнительная информация определяется постоянными свойствами окружающей среды, и поэтому в ходе естественного отбора не возникает необходимости передавать ее через гены.

Может показаться, что между дроздами и пеночками, определяющими, что пришло время для спаривания, и таким сложным поведением людей, как создание политических систем и обучение технологиям, лежит дистанция огромного размера. Она и в самом деле велика, поскольку люди извлекают из того, что их окружает, намного больше различной информации, чем прочие живые организмы, и поскольку большую часть этой информации люди получают от других людей. Однако общие принципы информации так же применимы к сложным случаям, как и к простым. Информация состоит из определяемых состояний внешнего мира, уменьшающих неопределенность во внутренних состояниях живого организма. Процесс подразумевает набор вероятных внутренних состояний, организованных таким образом, чтобы они могли предсказуемым образом изменяться на основе полученной информации⁶. Гены и комплексные структуры, которые они помогают выстраивать, во взаимодействии с окружающей средой подчиняются тем же принципам.

Правило II. Без распознавания нет информации

Пока все просто. Но взаимодействие генов с окружающей средой имеет некоторые неочевидные последствия. Одно из них состоит в том, что не существует абстрактной окружающей среды — каждый живой организм с конкретными генами существует в конкретных условиях. Тот факт, что в какой-то момент весны продолжительность светового дня превышает определенное пороговое значение, может иметь важные последствия для некоторых птиц. Однако для большинства других живых организмов эта перемена не так важна. Навозный жук будет есть и перерабатывать навоз с тем же энтузиазмом, не замечая того, что кажется важным дроздам и пеночкам. И не потому, что жуки устроены менее сложно, чем птицы. Часто кажущееся более простым живое существо замечает то, что игнорируют животные более сложные. Например, лососи и угри чувствительны к малейшим изменениям солености воды, поскольку это часть окружающей их среды

и важный вид информации для живых организмов, мигрирующих между пресными и солеными водами. Однако эти изменения не замечают считающиеся более сложными виды — утки, выдры или люди⁷. Приведем пример, более близкий нашему повседневному опыту: для собаки частью внешнего мира является невероятное разнообразие едва различимых запахов, а более сложно устроенный человеческий мозг эти запахи не распознает. У лосося и угря в процессе эволюции сформировались способности ощущать силу течения и соленость воды и в соответствии с этим определять, куда им плыть. Равным образом некоторые птицы и пчелы в процессе генетического отбора обрели чувствительность к продолжительности дня или к магнитному полю Земли. Это связано еще и с тем, что в геноме пчел и птиц есть гены, благодаря которым они могут улавливать поляризацию света, которую полностью игнорирует большинство млекопитающих. И опять-таки информация из окружающей среды влияет только на те живые организмы, чьи гены обеспечили формирование механизма, позволяющего распознавать информацию определенного типа. Куда сложнее применить столь прямолинейный подход к людям. Мы согласны с тем, что люди получают из внешней среды все виды информации, но упускаем из виду, что это возможно лишь благодаря специализированным системам ее распознавания. Позвольте привести еще один пример. Человек устремляет взгляд туда, где в данный момент сосредоточено больше всего важной информации. Определить направление взгляда на объект, привлечший его внимание, можно, сравнив размеры двух участков склеры по сторонам радужной оболочки глаза. Даже младенцу в такой ситуации ясно, что это важная информация, которая может указать, на что обращено внимание другого человека, то есть распознать его невидимое умственное состояние⁸. Однако для того чтобы извлечь информацию из внешней среды, нам требуется определенный опыт, знания, поскольку эта информация содержит индикаторы (их роль исполняют участки склеры), которые наводят нас на специфические умозаключения (в данном случае на оценку соотношения площадей видимых участков склеры). Далее с помощью ускользающих от сознания тригонометри-

ческих вычислений мы определяем направление взгляда и получаем некое представление об умственном состоянии человека («он смотрит на кошку»). Эти сложные расчеты требуют от нас не только познаний в геометрии, но и набора первичных, очень специфических предположений. То есть система определения информации не может вычислить, на что вы смотрите, не предположив среди прочего, что глаз и объект находятся на одной линии, что эта линия всегда прямая, что она не проникает сквозь плотные объекты, что первый объект, расположенный на этой линии, скорее всего, тот, на который обращено внимание человека, за которым мы наблюдаем, и т. п.⁹ Все эти неявные, весьма изощренные и сложные предположения необходимы для того, чтобы определить, куда смотрит другой человек, — хотя, казалось бы, есть ли задача проще.

На этом сложности не заканчиваются. Знание о том, куда человек смотрит, говорит вам и о его психологическом состоянии. Если на столе лежат четыре печенья, а ребенок пристально смотрит на одно из них, как вы думаете, какое именно кажется ему желанным? Какое печенье он возьмет? Для большинства из нас угадать это не составит никакого труда, а вот некоторые аутичные дети испытывают в подобных случаях затруднения и дают случайные ответы. Они уверенно могут сказать, на какое печенье смотрит ребенок. Они также знают, что значит хотеть чего-то. Но связь между взглядом на печенье и желанием его съесть часто остается для них неустановленной¹⁰. На этом примере мы опосредованно понимаем, что связь между направлением взгляда и намерениями человека представляет собой информационную составляющую, которую необходимо включить в понимание этой сцены. То, что ребенок выбирает печенье, становится информацией, только если у вас имеется подходящая система распознавания.

Конкретный набор таких систем, которыми располагает каждый живой организм, сформировался в ходе эволюции. Мы «с первого взгляда» определяем психологическое состояние других людей, поскольку это в высшей степени полезная способность для вида, выживание которого зависит от постоянного взаимодействия меж-

ду индивидами. С позиций эволюционного подхода можно предположить, что способность к распознаванию взгляда должна быть и у домашних животных — в зависимости от того, насколько тесно они взаимодействуют с людьми. Это в полной мере относится к собакам, одомашнивание которых происходило в процессе сложного взаимодействия с человеком, в ходе охоты и защиты — двух видов деятельности, в которых понимание намерений человека давало собаке преимущество. А вот шимпанзе способны определять, куда направлен взгляд человека, только после изнурительно долгого обучения, да и то результаты будут не лучшими, потому что в эволюционной истории шимпанзе не было длительного общения с людьми. По той же причине домашние кошки, не вовлеченные в ходе эволюции в сотрудничество и совместное решение задач с людьми, как правило, беспомощны в этом отношении¹¹.

Повторим: информация возникает лишь в том случае, если у вас имеется соответствующая система ее распознавания, — а она у вас имеется, поскольку она или ее слегка улучшенный вариант подтвердили свое преимущество во многих поколениях ваших предков. Но вот загвоздка: именно по причине того, что эти системы у нас есть и они работают так безотказно и незаметно для нас, их существование нам практически невидимо. Когда мы думаем о способах понимания окружающего мира, нам кажется, что информация уже содержится в нем в готовом виде и ждет, чтобы ее заметили.

Способ мышления, когда мы знаем о найденной информации, но забываем, что для этого требуется ее распознать, называется спонтанным (наивным) реализмом. Мы интуитивно полагаем, что информация только и ждет, чтобы живые организмы ее заметили¹². Этой иллюзии трудно избежать, когда речь идет о сложных общественных феноменах, таких как определение престижа, красоты или власти. Но даже власть остается невидимой для тех, кто не располагает соответствующей системой распознавания. Казалось бы, не так уж сложно определить, кто в группе пользуется властью, — в конце концов, разве можно не заметить, что одни люди отдают распоряжения другим? Но именно так мы и попадаем в ловушку спонтанного реализма. Разглядеть проявления «руково-

дящего» и «подчиненного» поведения можно только в том случае, если система распознавания замечает связи поведения с выражением предпочтений, соединяет специфические предпочтения с разными людьми, вызывает в памяти соответствующие модели поведения, что, в свою очередь, обуславливает такие предположения, как, например, понятие транзитивности ранга («если А в иерархии стоит выше Б, а Б стоит над В, то А главенствует над В»). У детей интуитивные представления относительно моделей поведения, в которых проявляется доминирование, появляются задолго до того, как они начинают понимать, как это влияет на жизнь людей¹³. Итак, повторим еще раз то, что не требует долгих повторений: не существует информации, которую можно получить из окружающей среды, не располагая соответствующей системой распознавания. К счастью, сегодня мы далеко продвинулись в понимании специализированных систем, помогающих людям получать информацию из их социального окружения, даже если речь идет о тонких различиях во власти, престиже или красоте.

Учиться лепетать, хорошо себя вести и менструировать

Есть еще одно обстоятельство — чем больше информации живой организм обнаруживает, тем более сложная система распознавания ему требуется. Поднимаясь по лестнице сложности от простейших к тараканам, от крыс к людям, мы видим, что на каждой новой ступени живые организмы получают извне все больше разнообразной информации. Однако и возможности ее обработки также резко возрастают. Для получения большего количества информации из окружающей среды требуется больше информации в самой системе. Общее правило когнитивной эволюции состоит в том, что, чем больше живые организмы учатся, тем лучше они понимают, с чего начать работу с новой информацией. (Это нисколько не удивит опытных пользователей компьютеров, которые могут сравнить современное «железо» с тем, что использовалось лет двадцать назад. Тогда компьютеры были способны «узнавать», то есть получать и обрабатывать, намного меньше информации, поскольку располагали мень-

шим количеством предварительной информации, а именно менее сложными операционными системами.)

Более сложно устроенные живые организмы демонстрируют значительно большую способность к обучению, чем простые. Обучение — очень общий и очень широкий термин, который мы используем, чтобы описать ситуацию, когда особь получает извне информацию, изменяющую ее внутреннее состояние, что, в свою очередь, модифицирует дальнейшие поиски информации. Практически все типы поведения людей в огромной мере определяются обучением. Рассмотрим примеры того, как обучение воздействует на разум ребенка.

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

С рождения (и, конечно, за некоторое время до него) младенцы спонтанно обращают особое внимание на человеческую речь, противопоставляя ее всем другим звукам. Они способны распознавать типичный ритм и интонацию материнской речи, приглушенные звуки которой слышат на последнем этапе пребывания в утробе. Поэтому в первые месяцы жизни младенцы обращают внимание только на неоднократно повторяющиеся звуки родной речи, игнорируя все остальное как шум. Это избирательное внимание находит выражение в лепетании, которое поначалу представляет собой смесь всех звуков, которые только можно издать посредством связок, губ и языка. Однако постепенно разнообразие ограничивается, сводясь к звукам родного языка¹⁴. Сосредоточение на этих специфических звуках позволяет младенцам начать определять границы между словами, что не так уж просто, ведь поток речи по большей части непрерывен¹⁵. Таким образом, обучение происходит поэтапно: выделение речи из потока звуков, выделение характерных признаков языка, выделение значимых звуков, отделение слов друг от друга. На каждом этапе обучения, несомненно, требуется некий предварительный анализ — например, если существует такое явление, как речь, значит, она важнее, чем другие звуки, и значит, есть два вида периодически повторяющихся элементов — звуки и сло-

ва, и т. д.¹⁶ Такой анализ позволяет живому организму каждый раз настраиваться на особый аспект звуковой среды, и на каждом этапе этот анализ изменяется в зависимости от характера собираемой информации. Это способствует тому, что дети обращают внимание на значимые свойства речи и игнорируют незначимые. Например, они предполагают, что фонетические отличия между словами «бог» и «бок» или «кот» и «код» связаны с какой-то разницей в их значении, но им все равно, кто произнес слово «кот» — мужчина или женщина, хотя акустический контраст в этом случае даже больше. Дети усваивают родной язык в процессе взаимодействия с другими говорящими, поскольку некие специфические системы их мышления готовы проявлять внимание к специфическим свойствам звуков.

ВЕСТИ СЕБЯ ХОРОШО...

Дети узнают и о материях невидимых, мораль — удачный пример в данном случае. Разница между моральным и аморальным поведением не сводится к его внешним формам. В определенных обстоятельствах раздача денег может быть преступлением, а бить людей — допустимо. Моральное значение действия нельзя увидеть, поэтому человеческому разуму приходится придавать поступкам моральную «окраску». Как развивающийся ум ребенка учится этому?

Напрашивается объяснение, что дети, видя последствия неодобряемого поведения и сами бывая каким-то образом наказаны за проступки, обобщают этот опыт и переносят его негативное качество на другие действия. Но все не так просто, как кажется. Ведь даже маленькие дети распознают антисоциальное поведение. В кукольном представлении им не нравятся персонажи, которые мешают или вредят другим куклам, — и это задолго до того, как они узнают, что такое неодобрение или наказание¹⁷. Но если дети действительно пытаются на основе того, что им говорят, прийти к выводу о неправильном поведении, каким образом они это делают?

Дети с раннего возраста обращают внимание на действия, которые окружающие, в частности взрослые, поощряют или осуждают.

Но реакция взрослых не поможет, если дети не понимают ее скрытых причин. Говорят, что нападать на старушку в темном переулке и отнимать у нее кошелек нельзя. Хорошо, но как сделать из этого вывод, что нельзя обсчитывать слепого? Можно подумать, что это не так уж трудно — требуется всего лишь заметить, что в обоих случаях некто использует силу или иное преимущество, чтобы нажиться за счет слабого. Но чтобы сделать такое обобщение, ребенок должен противопоставить, пусть и имплицитно, абстрактные идеи свободы и принуждения, обмена и эксплуатации. В известной степени именно это дети и делают — без интуитивного представления о взаимопомощи и справедливости моральные суждения так и остались бы для них непостижимыми, они бы их не осмыслили.

В наше мышление включена система обучения морали, детектор, позволяющий найти в окружающем мире нравственно значимую информацию. Это очень заметно потому, что у некоторых людей она отсутствует. Психопаты — это люди, развивающиеся в полном соответствии с расхожей концепцией, согласно которой мы обучаемся морали, обобщая опыт наказаний, и понимаем моральные ценности исходя из того, какую награду они могут принести. Люди такого склада понимают, что некоторые их поступки могут привести к наказанию, а это не в их интересах. Из этого они делают вывод, что можно с пользой для себя делать все, что им хочется, избегая неприятных последствий¹⁸. Они живут и порой преуспевают, используя других и убеждаясь, что способны проворачивать дела, которые окружающие интуитивно считают отвратительными и несправедливыми. Этот странный синдром, безусловно, привлек к себе внимание, и сейчас собрано немало свидетельств о связанных с таким поведением специфической активности структур мозга, гормональном состоянии и образе мышления¹⁹.

Так что представление о ребенке, просто вбирающем моральные установки принятой культуры посредством наблюдения и обобщения, — опасное заблуждение. Оно выглядит правдоподобным, только если мы не собираемся как-то заполнить пробелы в этом описании и указать, какая именно информация вбирается, как, когда и с помощью каких систем.

...И ИМЕТЬ ДЕТЕЙ

Теперь зададимся вопросом: как юные девушки обучаются менструировать? Вопрос может показаться странным, но определенные аспекты размножения подразумевают наличие определенных форм обучения. Например, в распространенности ранней беременности в некоторых регионах США всегда усматривали и до сих пор усматривают связь с социально-экономическим положением и образованием. Вероятность беременности у бедных (в нижних квартилях дохода) женщин в возрасте до 20 лет выше, чем у их более обеспеченных сверстниц. Многие социальные программы пытались «корректировать» это как патологию или следствие невежества. Такой подход практически не приносил результатов, поскольку всегда основывался на сомнительном допущении, что выросшие в современной городской среде молодые женщины не знают, что секс приводит к рождению детей.

Но если ранняя беременность в определенных регионах не случайное отклонение от статистической нормы, тогда в чем ее причина? Широкомасштабные исследования указывают на множество составляющих. Одним из главных и весьма неожиданных факторов, способствующих ранней сексуальной активности и ранней беременности молодых женщин, является присутствие в их жизни биологических отцов — точнее сказать, их отсутствие дома (неважно, по какой причине) в детские годы дочерей²⁰. Раздельная жизнь родителей и особенно время начала этой раздельной жизни прямо связаны с ранним менархе (началом менструаций), ранней сексуальной активностью и подростковой беременностью²¹. Этот феномен не зависит от социально-экономического положения семей, этнических и других социальных факторов. Но какая связь между отсутствием отца задолго до вступления девочки в подростковый возраст и ее ранним половым созреванием? Ничто не доказывает, что это как-то связано с дефицитом авторитета родителя (отца, устанавливающего правила), или с экономическим положением семьи, или с принятыми в конкретной местности поведенческими стандартами, то есть с тем, что молодые девушки просто